Научная статья
УДК 352(470)"1720/1724"

МАГИСТРАТСКАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ ГОРОДАМИ В 1720–1724 ГГ.

Мордовин Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, Пятигорский государственный университет, Россия, Пятигорск, mordovin.p@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена магистратской реформе Петра I 1720–1724 гг., которая привела к созданию Главного магистрата и сети городовых магистратов как новой формы управления российским городом. Актуальность темы связана с тем, что в указанные четыре года закладывалась модель, которая соединила элементы выборного городского самоуправления со строгим государственным фискальным контролем, причем современная историография (2025–2026 гг.) вносит в ее понимание важные уточнения на региональном материале. Цель работы состоит в установлении того, в какой мере нормативная модель Регламента Главного магистрата 1721 г. была реализована на практике к моменту издания Инструкции магистратам 1724 г. Использованы историко-сравнительный, историко-генетический и источниковедческий методы, а также сопоставление нормативных актов с материалами региональных исследований (Прикамье, Курский край, Екатеринбург, Нижнее Поволжье). Формирование новой системы управления растянулось на период от учреждения Главного магистрата в феврале 1720 г. через Регламент 1721 г. и фискальный указ 1722 г. до Инструкции 1724 г., которая завершила распространение магистратов на провинцию. Декларированная независимость магистратов от воевод на практике постоянно нарушалась, а реформа с самого начала преследовала больше фискальные цели, а не самоуправление. Работа может быть использована при дальнейшем изучении региональных практик петровской городской политики.

Ключевые слова: магистратская реформа, Главный магистрат, городовые магистраты, посадская община, городское самоуправление, Петр I, административная реформа XVIII века

Original article

PETER THE GREAT'S MAGISTRATE REFORM AND THE PRACTICE OF RUSSIAN URBAN ADMINISTRATION IN 1720–1724

Mordovin Pavel Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, mordovin.p@inbox.ru

Abstract. The article examines Peter the Great's magistrate reform of 1720–1724, which established the Chief Magistrate and a network of town magistrates as a new form of Russian urban administration. The topic's relevance stems from the fact that these four years produced a model combining elected urban self-government with strict state fiscal control, a model that recent scholarship (2025–2026) has substantially refined through regional case studies. The purpose of the study is to determine to what extent the normative model set out in the 1721 Regulation of the Chief Magistrate had been realized in practice by the time the 1724 Instruction to Magistrates was issued. The study employs comparative-historical, historico-genetic and source-critical methods, juxtaposing normative acts with regional research materials from the Kama region, the Kursk area, Yekaterinburg and the Lower Volga. It shows that the institutional formation of the reform stretched across the entire period, from the establishment of the Chief Magistrate in February 1720 through the 1721 Regulation and the 1722 fiscal decree to the 1724 Instruction, which effectively completed the spread of magistrates to the provinces. It is established that the declared independence of magistrates from voevodas was regularly violated in practice, and that the reform itself pursued primarily fiscal rather than self-governing goals from the outset. The findings can inform further study of regional practices of Petrine urban policy.

Keywords: magistrate reform, Chief Magistrate, town magistrates, posad community, urban self-government, Peter the Great, eighteenth-century administrative reform

Введение. Проведенная Петром I в 1720–1724 гг. реформа городского управления занимает особое место среди петровских административных преобразований. В отличие от губернской или коллежской реформ, которые касались государственного аппарата, магистратская реформа затрагивала узкую прослойку населения (посадских людей), от которой государство ожидало прежде всего денег. Учреждение Главного магистрата в Санкт-Петербурге, издание Регламента 1721 г. и Инструкции 1724 г. создали для России XVIII в. систему управления, ликвидация которой растянулась до 1864 г., когда хозяйственно-исполнительные полномочия магистратов перешли к земским учреждениям, а судебные перешли к палатам гражданского и уголовного суда [6, с. 126].

Актуальность обращения к магистратской реформе связана с тем, что в последние время появились исследования, которые на региональном архивном материале, часто впервые, реконструируют учреждение магистратов в 1720–1724 гг., т.е. период, который ранее оставался в тени более изученной эпохи магистратов последней четверти XVIII в. В дополнение к тому, понятие «городовой магистрат» до сих пор трактуется в литературе неоднозначно. Термин понимается органом городского самоуправления, или как фискально-полицейское учреждение. Обозначенные узкие хронологические рамки настоящей статьи позволяют проверить обе трактовки на материале одного, максимально плотного по событиям отрезка.

Целью статьи является анализ магистратской реформы Петра I как направления государственной политики управления городами в 1720–1724 гг. и оценка того, насколько ее нормативная модель соответствовала реальной практике учреждения и работы магистратов.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) проследить хронологическую последовательность реформы от указа 1720 г. до Инструкции 1724 г.;

2) реконструировать нормативную модель городового управления по Регламенту 1721 г.;

3) сопоставить ее с практикой учреждения магистратов в определенных регионах;

4) оценить фискально-контрольную составляющую реформы;

5) выявить расхождения между декларированной самостоятельностью магистратов и их реальным положением в системе управления.

Научная новизна работы состоит в том, что она впервые сводит в единый анализ узкого четырехлетнего периода данные сразу нескольких региональных исследований 2025–2026 гг. (Прикамье, Курский край, Екатеринбург, Нижнее Поволжье, С.-Петербургская Канцелярия от строений), которые ранее не рассматривались вместе, и дополняет их сопоставлением с текстами Регламента 1721 г. и Инструкции 1724 г.

Обзор литературы. Изучение городового управления в России имеет более чем полуторавековую традицию. Первые фундаментальные исследования появились еще в дореволюционной историографии. И. И. Дитятин рассматривал учреждение магистратов с точки зрения заимствования западноевропейской, прежде всего немецкой, модели городского устройства, которая оказалась наложена на отличающиеся социально-экономические условия [5, с. 207]. А. А. Кизеветтер, который работал с делами Главного и городовых магистратов, Камер- и Юстиц-коллегий, показал, как регламент 1721 г. и инструкция магистратам применялись на практике посадскими общинами при решении вопросов о приеме и исключении тяглецов [8, с. 4]. Особенностям подготовки Регламента посвящена монография М. М. Богословского об областной реформе Петра Великого, где магистратская реформа рассматривается в связке с перестройкой провинциального управления [2, с. 108]. Более протяженную

ретроспективу дает В. Ю. Виноградов, который прослеживает эволюцию московского городского самоуправления от допетровской Ратуши до районной управы XXI в. Для настоящей статьи из его работы ценен фрагмент о переходе от Ратуши к магистратской системе, который показывает, из какой административной традиции выросла реформа 1720–1721 гг. [3, с. 10].

Советская историография (Н. Ф. Демидова, Б. Б. Кафенгауз, Я. Е. Водарский) сосредоточилась на социально-экономической истории посада и институте гражданской службы. Нормативно-правовая база магистратской реформы 1-й четверти XVIII в. отдельно и поэтапно разбиралась Я. Е. Водарским, а ее практическая, региональная сторона долго оставалась в тени [6, с. 11–12]. Изменения произошли в последние годы. Диссертация И. С. Ефремовой о городовых магистратах Курского края, по формулировке самого автора, «является первым комплексным изысканием по истории магистратов Курского края, рассматривающим эти учреждения как часть государственной политики по модернизации системы управления городским хозяйством» [6, с. 23].

Близкую по методу работу на материале Прикамья ведет А. А. Космовская совместно с Д. А. Реневым. Созданный ими тематический электронный ресурс «Городовое управление Прикамья XVIII–XIX вв.» опирается на более чем 600 архивных единиц из РГАДА, Архива СПбИИ РАН и Государственного архива Пермского края и позволяет проследить состав магистратов Чердыни, Соликамска и Кунгура буквально по фамилиям выборных [10, с. 99]. Методическая сторона их работы с массовыми источниками разобрана в тезисах той же исследовательницы [11, с. 103].

Региональную специфику реформы прослеживают также С. А. Мезин на материале городов Нижнего Поволжья [12, с. 37] и Д. А. Редин с С. Н. Копыриной на материале раннего Екатеринбурга, где государственное дисциплинирование населения складывалось вне традиционной посадской структуры [16, с. 129]. Для сопоставления магистратской реформы с судьбой

других петровских учреждений первой половины 1720-х гг. важны статьи Г. К. Всеволожского о Герольдмейстерской конторе [4, с. 140] и М. Т. Накишовой о конфликте руководителей петербургской Канцелярии от строений в 1722–1726 гг. [13, с. 243]. Обе статьи показывают, что проблемы, которые принято связывать с магистратами (например, нехватка кадров, размытость полномочий и конфликты компетенций), были в действительности типичны для всего петровского административного строительства.

В зарубежной историографии наиболее полноценную оценку магистратской реформы дал М. С. Андерсон, который отметил, что власть Главного магистрата довольно быстро подавила любую местную самостоятельность, а расчет Петра на выращивание самостоятельного и гражданственного среднего сословия почти полностью не оправдался [17, с. 88]. Более описательный характер носит статья В. Л. Даноян с соавторами, в которой по текстам Полного собрания законов реконструированы «ратушный» 1699 г. и магистратский 1720–1721 гг. этапы петровской муниципальной реформы [18, с. 299].

При том, что каждое из перечисленных исследований посвящено своему сюжету (региону, институту или отдельному эпизоду), все они вместе впервые дают достаточно плотную эмпирическую картину узкого периода 1720–1724 гг., что и делает возможным настоящее обобщение.

Методы исследования. Основным методом исследования выступил историко-сравнительный анализ, который позволил сопоставить заложенную в Регламенте Главного магистрата 1721 г. и Инструкции магистратам 1724 г. нормативную модель управления с практикой ее реализации в нескольких регионах (Прикамье, Курский край, Нижнее Поволжье, Екатеринбургское ведомство). Применялся историко-генетический метод для прослеживания хронологической цепочки от Бурмистерской палаты 1699 г. через губернскую реформу 1708 г. к магистратам 1720–1724 гг.. Метод необходим для того, чтобы

не принять за нововведения элементы, которые были унаследованы магистратской системой от предшествующих учреждений [6, с. 26].

Источниковую базу составили нормативные акты петровского времени, а именно Регламент, или Устав Главного магистрата от 16 января 1721 г. [15], Инструкция всем магистратам 1724 г. [7] и указ Петра I Сенату от 5 февраля 1722 г. о переписи городского населения [14]. Документы были сопоставлены с их интерпретацией в дореволюционной (И. И. Дитятин, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский) и современной (И. С. Ефремова, А. А. Космовская) историографии, а также со статистико-описательным сочинением И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», которое содержит погородные данные о численности купечества «по нынешней переписи», которые были собраны вскоре после смерти Петра I и потому пригодны в качестве количественного источника [9, с. 167].

Отдельным методическим приемом стало сравнение магистратской реформы не только «по вертикали» (от нормы 1721 г. к практике 1721–1724 гг.), но и «по горизонтали», т.е. с другими учреждениями, которые были созданы Петром I в те же годы (Герольдмейстерская контора и Канцелярия от строений). Сопоставление позволяет отделить проблемы, которые были специфичны для магистратов, от типичных для всего петровского административного строительства трудностей.

Результаты. Магистратская реформа началась еще в 1718 г., когда в ответ на меморандум остзейского юриста Г. Фика Петр I распорядился «магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить», и взял за образец рижский и ревельский регламенты [5, с. 199]. Однако резолюция более года оставалась на бумаге. Только 13 февраля 1720 г. именным указом в Санкт-Петербурге был учрежден Главный магистрат во главе с обер-президентом князем Ю. Ю. Трубецким и его товарищем И. Исаевым [10, с. 97], но и после дело почти год не двигалось. Сохранился раздраженный указ Петра обер-президенту с

угрозой каторжной работы за то, что «по се время никакого успеху въ том не делается» [5, с. 205].

Регламент, или Устав Главного магистрата, был подписан 16 января 1721 г. [15]. Однако даже дата его официальной публикации трактуется в литературе не вполне единообразно. Характеризуя нижнюю хронологическую границу реформы, И. С. Ефремова пишет: «Нижняя граница второго этапа городской реформы (магистратской реформы) имеет размытый характер, в силу затяжного принятия регламента. Претерпев 12 редакций, уставной документ был опубликован лишь 21 января (1 февраля) 1721 г., при этом Главный магистрат функционировал уже с февраля 1720 г.» [6, с. 26] Деталь важна как показатель того, что даже точка отсчета реформы допускает разные прочтения источников, что стоит учитывать при попытках выстроить ее периодизацию.

Регламент 1721 г. предписывал разделить все российские города на пять разрядов, от «большихъ главнейшихъ городов» вроде Петербурга, Москвы, Новгорода, Казани, Риги и Архангельска (от 2 до 3 тысяч дворов и выше) до последнего, пятого разряда, который объединял «всѣ малые города и слободы» [15, с. 66]. В зависимости от разряда менялось число членов магистрата. В городах первого разряда были один президент и четыре бургомистра, во втором разряде были президент и три бургомистра, в третьем и четвертом разрядах по два, а в мелких городах магистрат и вовсе заменялся единоличной должностью бурмистра [5, с. 209]. Президентов, бургомистров и ратманов предписывалось избирать из «первостатейныхъ, добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей», а список избранных отсылать на утверждение в Главный магистрат и не менее трех человек от каждого города [15, с. 66].

Особый интерес представляет социальная конструкция, которая заложена в Регламенте. Все городское население делилось на «регулярных» граждан, которые состояли в двух гильдиях (от банкиров и крупных купцов в первой до мелочных торговцев и ремесленников во второй), и «подлых людей», «обретающихся въ наймахъ и въ черныхъ работахъ», которые формально

считались гражданами города, но в число «знатных и регулярных» не входили [15, с. 68]. Инструкция 1724 г. закрепила еще более дробное деление, т.е. на три части, без учета гостей и гостиной сотни, но принцип отделения «подлых» от «регулярных» граждан остался неизменным [7, с. 11].

Магистрат объявлялся полностью независимым от губернаторов и воевод: «Магистратъ, яко глава и начальство есть всему гражданству», а «Губернаторамъ и Воеводамъ не должны подчинены быть в томъ, что до градскаго суда и экономіи касается» [15, с. 71]. В компетенцию магистрата входили сбор податей, полиция, суд по гражданским и части уголовных дел, устройство бирж, ярмарок, цехов, назначение маклеров, а с 1724 г. добавились забота об учреждении школ для купеческих детей и о призрении сирот и увечных [18, с. 301].

Насколько рассматриваемая модель воплощалась на местах, показывает материал Прикамья. Соликамский, Чердынский и Кунгурский магистраты были учреждены в соответствии с Регламентом 1721 г., хотя в местном делопроизводстве новые учреждения по инерции еще долго именовались привычным словом «ратуши» [10, с. 97]. Дела о выборах в фонде Главного магистрата (РГАДА. Ф. 291) содержат имена избранных бургомистров и ратманов, а также конфликты вокруг выборов. Сохранились жалобы на вмешательство в дела соликамского магистрата со стороны президента кунгурского провинциального магистрата Тимофея Шавкунова, а Шавкунов в документах 1720-х гг. фигурирует и влиятельным посадским деятелем, и как объект встречного доноса – «вором, подозрительным и хищником» его называл посадский человек Павел Проурзин [10, с. 100].

Курский край в те годы входил в состав Белгородской провинции, и его материал показывает, насколько формальным могло быть «учреждение» магистрата. По воспоминаниям старожилов г. Обояни, которые были опрошены накануне ревизии 1782 г., магистрат и ратуша были в Курске и Обояни уже в 1721 г., и даже известны имена первых президентов, купцов Прокофия Чикина и Николая Анфилова. Однако, как показывает И. С. Ефремова, «до издания

“Инструкции всем магистратам…” реальной властью они не обладали, являясь исполнительным механизмом в руках воевод». Указ Штатс-контор-коллегии от 7 октября 1724 г. о сборе средств с купечества был адресован не магистрату, а воеводе В. В. Лачинову [6, с. 77].

Другую картину предоставляет Нижнее Поволжье. Астрахань, Царицын, Дмитриевск и Саратов вступили в магистратскую реформу в разных условиях. Отдаленность от центра, отсутствие сложившейся земледельческой округи и соседство с кочевым населением, а также итоговая судьба городов оказались несопоставимы. Астрахань пережила социально-экономические потрясения, сохранила торгово-экономические позиции и стала губернским центром, а Царицын так и остался прежде всего городом-крепостью [12, с. 37]. Наблюдение перекликается с выводом Д. А. Дитятина о том, что магистратское устройство навязывалось городам «сверху», как «тяжелая обуза государственного тягла», без учета того, что города тогдашней России сильно различались по своим экономическим возможностям [5, с. 208].

Случай раннего Екатеринбурга, который был крупным металлургическим предприятием и центром экстерриториальной административной единицы, показывает, что вместе с магистратской реформой в те же 1720-е гг. складывались и иные, ведомственные формы управления новым городским населением, которые не описывались категориями Регламента 1721 г. вообще [16, с. 130].

Учреждение магистратов с самого начала было увязано с задачами налогового учета. Указ Петра I Сенату от 5 февраля 1722 г. предписывал переписать посадских людей и вернуть в посады всех, кто вышел из тягла «во дворцовые и помещичьи» земли «для укрытия», а также составить проект об установлении налогов с городского населения «применяяс к другим государствам» [14, л. 282]. Не допустить ухода тяглецов из-под юрисдикции магистрата преследовала и глава IV Регламента 1721 г. «О собрании выбылых из слобод», которая предписывала разыскивать и возвращать в тягло тех, кто

«вышли изъ слободъ какими нибудь образы и подлоги въ разные чины и въ крестьянство» [15, с. 65].

Насколько разным было положение отдельных городов внутри фискальной системы, показывают данные И. К. Кирилова. По погородным сведениям «Цветущего состояния Всероссийского государства», численность купечества «по нынешней переписи» варьировалась от нескольких десятков человек в небольших уездных городах до 1389 человек в одном из крупных торговых центров и 658 человек в другом [9, с. 210]. Столь значительный разброс заставлял Главный магистрат при распределении числа членов магистрата и при расчете окладов ориентироваться на индивидуальные ведомости, что делало разговор об унификации управления в значительной мере формальным.

Как показывает И. И. Дитятин, спустя три года после издания Регламента, в конце 1724 г., «появилась на светъ инструкщя Магистратамъ, въ которой прежде всего определено во всехъ городахъ учредить магистраты по образцу петербургскаго», и только с этого момента более или менее повсеместное учреждение магистратов можно считать в основном завершенным [5, с. 206]. Инструкция уточняла штат провинциального магистрата (президент, два бургомистра, четыре ратмана с приказными служителями), обязывала магистраты вести посемейный учет населения, «применяясь к регламенту Главнаго Магистрата 3 и 25 главъ» [7, с. 7], и предписывала заботиться о противопожарной безопасности силами самих горожан и приданных им квартирмейстеров [7, с. 9]. Следовательно, 1724 г. следует считать годом, когда магистратская сеть в общих чертах приобрела тот вид, который затем с изменениями просуществовал до реформ 1770–1780-х гг.

Обсуждение полученных результатов. Сопоставление нормативной модели с практикой ее реализации заставляет скорректировать распространенное представление о магистратской реформе как первом опыте полноценного городского самоуправления в России. Регламент действительно выводил магистрат из подчинения губернаторам и воеводам. Но, как показал еще М. М.

Богословский, на практике норма систематически нарушалась. Воеводы продолжали рассматривать город частью своей «команды», а центральные учреждения сами то и дело возвращались к привычному воеводскому посредничеству, когда речь заходила о сборе рекрутов, провианта или недоимок [2, с. 117]. Интересен конфликт 1723 г. в Туле, где воевода и камерир сдали таможенные сборы на откуп и попытались принудить магистрат передать откупщикам таможенное имущество и, встретив отказ, силой взяли таможню, опечатали книги и посадили таможенного бурмистра под караул, притом, что магистрат ссылался на Регламент и требовал указа из Главного магистрата, откуда так и не получил ответа [2, с. 119]. Столь же красноречива жалоба бурмистров Калуги на воеводу, который, по их словам, продолжал считать посад «в своей команде», расквартировывал войска на посадских дворах и игнорировал указы из Главного магистрата [2, с. 119]. Итог представленных наблюдений М. М. Богословский формулирует афористично: «Регламент Главного магистрата был, очевидно, только новыми мехами, куда вливалось старое вино» [2, с. 120].

К близкому выводу, хотя и на ином материале, приходит М. С. Андерсон. Власть Главного магистрата довольно быстро подавила любую местную самостоятельность, а расчет Петра I на воспитание самостоятельного, гражданственного среднего сословия города оказался почти полностью не реализован [17, с. 88]. Оценка британского историка практически дословно совпадает с наблюдением И. И. Дитятина о том, что магистратское устройство «с точки зрения государственных интересов должно было быть не чем иным, как государственно-административным механизмом», частью общего государственного механизма [5, с. 296]. В то же время В. Л. Даноян с соавторами занимает более нейтральную и описательную позицию. Они не отрицают фискальной направленности реформы и пишут, что передача магистратам функции гражданского суда, независимого от Юстиц-коллегии, была для российской практики начала XVIII в. нововведением немалого масштаба [18, с. 301].

Показательным оказывается и сравнение магистратской реформы с судьбой других учреждений, которые были созданы Петром I примерно в те же годы. Г. К. Всеволожский, который изучил Герольдмейстерскую контору 1720-х гг., выделяет главные внутренние факторы, которые определяли результативность петровских учреждений, а именно материальное обеспечение, кадровый состав и распределение полномочий между служащими [4, с. 143]. Все три фактора в равной мере проявляются и в истории магистратов. Нехватка «искусных в купечестве» людей, которые готовы бесплатно и бессменно нести магистратскую службу, оставалась постоянной проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода. Схожим образом М. Т. Накишова при изучении конфликта руководителей петербургской Канцелярии от строений в 1722–1726 гг., показывает проблемы субординации, распределения полномочий и кадрового голода, которые обычно связывают исключительно с магистратами, но которые в действительности были общей чертой петровского административного строительства [13, с. 250]. Многое из того, что историография магистратов традиционно объясняет спецификой городского управления, правильнее объяснять общими болезнями роста молодой регулярной бюрократии как таковой.

Стоит отметить одно расхождение между дореволюционной и современной историографией. А. А. Кизеветтер, который работал на материале второй половины XVIII в., отмечал судебно-фискальные функции магистратов и относительную слабость посадского самоуправления перед лицом административного контроля [8, с. 492]. Современные региональные исследования И. С. Ефремовой по Курскому краю и А. А. Космовской по Прикамью, напротив, обращают больше внимания на то, что акты выборов, при всей их подконтрольности губернаторам, показывают реальную и достаточно устойчивую посадскую элиту, представители которой десятилетиями переходили с одной выборной должности на другую [10, с. 99]. Расхождение объясняется не столько разницей эпох, сколько разницей источников. Если А. А. Кизеветтер

реконструировал конфликты магистратов с посадскими обществами по жалобам и челобитным, то современные исследователи располагают просопографическими базами данных и видят за процедурой выборов устойчивую социальную структуру, которая заведомо не сводится к диктату администрации.

Перспективы дальнейших исследований. Дальнейшая разработка темы предполагает расширение региональной базы за счет архивных фондов, которые еще не введены в научный оборот применительно к 1720–1724 гг. Большинство доступных сегодня региональных исследований (в том числе положенных в основу настоящей статьи) сосредоточено на более поздних периодах истории магистратов, а первые годы их существования неравномерно изучены. Перспективным направлением представляется также количественный анализ дел о выборах в магистраты из фонда Главного магистрата (РГАДА. Ф. 291) для нескольких провинций, что позволило бы оценить, насколько типичны были имевшиеся в Прикамье и Курском крае случаи конфликтов вокруг выборов и вмешательства воевод в магистратские дела. Требует отдельного изучения сопоставление российской магистратской модели с ее балтийскими прототипами (магдебургским правом и рижским, ревельским регламентами) на уровне конкретных процедурных норм.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что магистратская реформа Петра I 1720–1724 гг. представляла собой растянутый и внутренне неоднородный процесс. Формальной точкой отсчета является учреждение Главного магистрата в феврале 1720 г. допускает разночтения в источниках. Регламент 1721 г. определил детальную, но во многом умозрительную нормативную модель разделения городов на пять разрядов и населения, на «регулярных» и «подлых» граждан. Реальное же распространение магистратов на провинцию растянулось до конца 1724 г., когда Инструкция магистратам завершила формирование сети.

Декларированная Регламентом независимость магистратов от губернаторов и воевод на практике постоянно нарушалась, о чем

свидетельствуют и конфликты в Туле и Калуге, и общий вывод дореволюционной историографии о том, что новое учреждение оказалось «новыми мехами для старого вина». Оценка результатов реформы не может быть сведена к однозначно позитивной или негативной. Реформа действительно создала невиданный прежде в России институт выборного городского суда и управления, но с самого начала подчинила его фискальным задачам государства, а его декларированная самостоятельность так и осталась в 1720–1724 гг. по преимуществу нормой и не стала повседневной практикой.

Двойственность результата не была случайной. Она отражала общий характер петровского административного строительства, в рамках которого молодые и наспех укомплектованные учреждения (Герольдмейстерская контора, Канцелярия от строений, магистраты) получали объемные и идеальные по замыслу регламенты, но испытывали одни и те же трудности кадров, средств и разграничения полномочий. Региональный материал последних лет показывает, что за общей закономерностью скрывалось разнообразие траекторий, от Астрахани, которая сохранила торговые позиции, до оставшегося городом-крепостью Царицына, что оставляет широкое поле для дальнейшего и более детального регионального изучения первых лет магистратской системы.

Список литературы

1. Акельев, Е. В. Судьба проекта вестернизации внешнего облика горожан в послепетровской России (1725–1741) / Е. В. Акельев // Новое прошлое / The New Past. – 2025. – № 3. – С. 89–108.

2. Богословский, М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. / М. М. Богословский. – Москва : Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1902. – XVI, 521, [1], 44, [1] с.

3. Виноградов, В. Ю. Генезис московского городского самоуправления: исторический взгляд на прошлое из настоящего / В. Ю. Виноградов // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 7–28.

4. Всеволожский, Г. К. Принципы функционирования Герольдмейстерской конторы в 1720-е годы / Г. К. Всеволожский // Новое прошлое / The New Past. – 2025. – № 4. – С. 140–156.

5. Дитятин, И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1: Введение. Города России в XVIII столетии / И. И. Дитятин. – Санкт-Петербург : тип. П. П. Меркульева, 1875. – [4], 508, III с.

6. Ефремова, И. С. Городовые магистраты в системе учреждений управления городами Российской империи в XVIII веке (на примере Курского края) : дис. … канд. ист. наук : 5.6.1 / И. С. Ефремова. – Курск, 2025. – 200 с.

7. Инструкция всем магистратам, данная в 1724 году из Главного магистрата. – Москва : Сенатская тип., 1766. – 16 с.

8. Кизеветтер, А. А. Посадская община в России XVIII ст. / А. А. Кизеветтер. – Москва : Унив. тип., 1903. – VI, 810 с.

9. Кирилов, И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И. К. Кирилов ; предисл. Л. А. Гольденберга [и др.] ; коммент. Л. А. Гольденберга, С. М. Троицкого ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1977. – 443 с.

10. Космовская, А. А. История городового управления Прикамья XVIII–XIX веков: тематический электронный ресурс на основе архивных документов / А. А. Космовская, Д. А. Ренев // Вестник Пермского университета. История. – 2025. – № 3 (70). – С. 96–109.

11. Космовская, А. А. Массовые источники для создания базы данных «Городовое управление Прикамья в XVIII–XIX веках» / А. А. Космовская // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XIX вв. : тезисы докладов XXIV Всероссийской научной конференции, Тула, 24–26 июня 2025 г. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 103–105.

12. Мезин, С. А. Города Нижнего Поволжья петровского времени: основные тенденции и итоги развития / С. А. Мезин // Территория: журнал исторических исследований. – 2025. – Т. 1, № 2. – С. 37–79.

13. Накишова, М. Т. Конфликт между руководителями Канцелярии от строений (1722–1726) в контексте формирования петровской системы государственного управления / М. Т. Накишова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 243–257.

14. Петр I. Указ Сенату о переписи городского населения, о возвращении вышедших из посадов и о составлении проекта об установлении налогов с городского населения, 5 февраля 1722 г. // ГАУ. Ленинградское отделение. Сенатский архив. – Кн. 18. – Подл. им. выс. ук. и пов. – Л. 282 и след.

15. Регламент, или Устав Главного магистрата, 16 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. VI. – № 3708. – С. 291–305.

16. Редин, Д. А. Практики социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге и на заводах Екатеринбургского ведомства (1720–1750-е годы) / Д. А. Редин, С. Н. Копырина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 127–143.

17. Anderson, M. S. Peter the Great / M. S. Anderson. – 2nd ed. – London ; New York : Longman, 1995. – IX, 234 p.

18. Danoyan, V. L. Legislative Measures of Peter I in the Field of Municipal Public Government / V. L. Danoyan, E. B. Bespyatova, O. Yu. Yatsenko // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2022. – Vol. 128. – P. 294–303.

References

1. Akel'ev, E. V. Sud'ba proekta vesternizatsii vneshnego oblika gorozhan v poslepetrovskoi Rossii (1725–1741) / E. V. Akel'ev // Novoe proshloe / The New Past. – 2025. – № 3. – S. 89–108.

2. Bogoslovskii, M. M. Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiya 1719–1727 gg. / M. M. Bogoslovskii. – Moskva : Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1902. – XVI, 521, [1], 44, [1] s.
3. Vinogradov, V. Yu. Genezis moskovskogo gorodskogo samoupravleniya: istoricheskii vzglyad na proshloe iz nastoyashchego / V. Yu. Vinogradov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. – 2026. – T. 13, № 1. – S. 7–28.
4. Vsevolozhskii, G. K. Printsipy funktsionirovaniya Gerol'dmeisterskoi kontory v 1720-e gody / G. K. Vsevolozhskii // Novoe proshloe / The New Past. – 2025. – № 4. – S. 140–156.
5. Dityatin, I. I. Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii. T. 1: Vvedenie. Goroda Rossii v XVIII stoletii / I. I. Dityatin. – Sankt-Peterburg : tip. P. P. Merkul'eva, 1875. – [4], 508, III s.
6. Efremova, I. S. Gorodovye magistraty v sisteme uchrezhdenii upravleniya gorodami Rossiiskoi imperii v XVIII veke (na primere Kurskogo kraya) : dis. … kand. ist. nauk : 5.6.1 / I. S. Efremova. – Kursk, 2025. – 200 s.
7. Instruktsiya vsem magistratam, dannaya v 1724 godu iz Glavnogo magistrata. – Moskva : Senatskaya tip., 1766. – 16 s.
8. Kizevetter, A. A. Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st. / A. A. Kizevetter. – Moskva : Univ. tip., 1903. – VI, 810 s.
9. Kirilov, I. K. Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva / I. K. Kirilov ; predisl. L. A. Gol'denberga [i dr.] ; komment. L. A. Gol'denberga, S. M. Troitskogo ; AN SSSR, In-t istorii SSSR. – Moskva : Nauka, 1977. – 443 s.
10. Kosmovskaya, A. A. Istoriya gorodovogo upravleniya Prikam'ya XVIII–XIX vekov: tematicheskii elektronnyi resurs na osnove arkhivnykh dokumentov / A. A. Kosmovskaya, D. A. Renev // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. – 2025. – № 3 (70). – S. 96–109.
11. Kosmovskaya, A. A. Massovye istochniki dlya sozdaniya bazy dannykh «Gorodovoe upravlenie Prikam'ya v XVIII–XIX vekakh» / A. A. Kosmovskaya //

Pistsovye knigi i drugie massovye istochniki po istorii Rossii XVI–XIX vv. : tezisy dokladov XXIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Tula, 24–26 iyunya 2025 g. – Sankt-Peterburg, 2025. – S. 103–105.

12. Mezin, S. A. Goroda Nizhnego Povolzh'ya petrovskogo vremeni: osnovnye tendentsii i itogi razvitiya / S. A. Mezin // Territoriya: zhurnal istoricheskikh issledovanii. – 2025. – T. 1, № 2. – S. 37–79.

13. Nakishova, M. T. Konflikt mezhdu rukovoditelyami Kantselyarii ot stroenii (1722–1726) v kontekste formirovaniya petrovskoi sistemy gosudarstvennogo upravleniya / M. T. Nakishova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2025. – T. 27, № 4. – S. 243–257.

14. Petr I. Ukaz Senatu o perepisi gorodskogo naseleniya, o vozvrashchenii vyshedshikh iz posadov i o sostavlenii proekta ob ustanovlenii nalogov s gorodskogo naseleniya, 5 fevralya 1722 g. // GAU. Leningradskoe otdelenie. Senatskii arkhiv. – Kn. 18. – Podl. im. vys. uk. i pov. – L. 282 i sled.

15. Reglament, ili Ustav Glavnogo magistrata, 16 yanvarya 1721 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. – Sankt-Peterburg, 1830. – T. VI. – № 3708. – S. 291–305.

16. Redin, D. A. Praktiki sotsial'nogo distsiplinirovaniya v rannem Ekaterinburge i na zavodakh Ekaterinburgskogo vedomstva (1720–1750-e gody) / D. A. Redin, S. N. Kopyrina // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. – 2025. – T. 24, № 1. – S. 127–143.

17. Anderson, M. S. Peter the Great / M. S. Anderson. – 2nd ed. – London ; New York : Longman, 1995. – IX, 234 p.

18. Danoyan, V. L. Legislative Measures of Peter I in the Field of Municipal Public Government / V. L. Danoyan, E. B. Bespyatova, O. Yu. Yatsenko // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2022. – Vol. 128. – P. 294–303.

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 08.09.2026.

The article was submitted 07.04.2026; approved after peer review 12.05.2026; accepted for publication 08.09.2026.